

Георгий Панкратов

Пятеро

Рассказы

Ревность

1

Деньги были, и придумать то, что она просила, казалось не слишком сложным. Я начинал тогда работать над проектом, который должен был иметь коммерческий успех, средства вливались немалые, я не нуждался ни в чем: все последние технические возможности и научные разработки были в моем распоряжении, а успех проекта и его дальнейшее внедрение позволили бы мне прожить безбедно весь остаток жизни. А жить я планировал долго и, разумеется, счастливо.

Я был одним из самых перспективных молодых специалистов, уже имел достаточный опыт в работе со звездным светом. Обо мне говорили, меня рекомендовали. Моя профессия так и называлась — «корректор дальних звёзд». Хотя в реестре профессий она, конечно, не значилась, нас были единицы во всем мире. Да и когда речь идет о проекте, который меняет мир, и его доверяют тебе одному, имеет ли смысл говорить о точном названии?

Если совсем кратко, меня приглашали работать над упорядочиванием света дальних звезд и в отдаленной перспективе направлением его в нужное клиенту русло, а сейчас — моему заказчику на Земле, крупному метанаучному центру. Клиентами могли быть развлекательные комплексы или, напротив, деловые центры — все, кому мог потребоваться ночью яркий, несогревающий свет. Услуга могла потребоваться для корпоративов, дней рождения; конечно, такое доступно лишь избранным, но ведь прежде — не было доступно никому! Повторюсь, я собирался менять мир.

Принцип коррекции заключается в том, чтобы собрать тусклое свечение дальних звезд, рассеянное хаотично вокруг источника, который зачастую уже давно погас, в условный концентрированный пучок, перенаправить этот пучок к Земле, будто

Панкратов Георгий Витальевич родился в Ленинграде в 1984 году. Окончил гуманитарный факультет СПбГУТ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича. Печатался в журналах «Новый мир», «Знамя», «Урал» и других. Автор книг «Российское время» (СПб., 2019), «Мечта о прекрасном, несбыточном» (М., 2020) и других. Проживает в Севастополе и Москве.

В «Дружбе народов» публикуется впервые.

мячик, и «раскрыть» над конкретным районом, где позарез требуется ночное освещение. Концентрированный свет тратится куда быстрее, чем неспешное многолетнее свечение, но он гораздо ярче и создает эффект десятков тысяч обыкновенных люминесцентных ламп, расположенных над освещаемой территорией. Свет проникает всюду, даже в самые потаенные уголки зданий, и необходимость в других источниках полностью отпадает. По крайней мере, по нашим расчетам все должно происходить именно так.

Для работы со светом построили станцию — небольшую продолговатую капсулу с огромным экраном на одной из сторон. Ее создавали не под меня, мне лишь доводилось бывать в ней, когда она еще стояла на Земле. Иногда ее поднимали ненадолго в небо и потом возвращали на Землю. Новый проект требовал длительной и кропотливой работы, и по условиям сотрудничества я должен был поселиться на станции, подняться к облакам и, зависнув под ними, жить и работать. До тех пор, пока не совладаю со светом, приучив его светить не там, где ему хочется, а там, куда укажет заказчик. Я мог самостоятельно подниматься вместе со станцией выше облаков и опускаться снова на дозволенное программой и необходимое для работы расстояние, остальные же передвижения управлялись только с Земли.

Все это было заманчиво, я реально мог стать первым человеком на Земле, провернувшем *такое* со светом. Я мог стать не просто корректором, а настоящим властелином дальних звезд, и эта мысль пьянила. Уже одно то, что мне оказали такую честь, поднимало мое тщеславие на невиданную высоту. По сути, чем я занимался раньше? Ну да, изучал звезды, ловил пучки света, транслировал их на землю, где в составе нашей небольшой команды долго, кропотливо, и не сказать, что слишком увлекательно, исследовал. Иногда получалось схватить небольшое облако света, сконцентрировать в пучок и бросить на освещение маршрутов для нашего космического флота. Но пучки выгорали стремительно, и министерство публично выговаривало нам: мол, в маяках такого качества мы не нуждаемся, маяк — это надежность, а ваши пучки один смех в лучшем случае, а в худшем — неверная дорога и гибель корабля. Такого не случалось, но послушав эти разговоры, на высшем уровне решили резко сократить нам финансирование. Наш центр был вынужден искать частных инвесторов, и вскоре пришлось перепрофилироваться: где большие деньги, там огромные задачи. Когда я впервые узнал масштабы запросов, был поражен: это вам не «фонарики для корабликов», как иронично отозвался наш руководитель. Нужно было высасывать весь свет из звезд небесных и выкладывать на блюдечке «звездам» земным.

Признаюсь, я думал недолго. Но у меня было условие.

— Мне нужна комната, — сказал я нанимателям.

— Само собой. Вы были на станции и прекрасно знаете, что там есть рабочая зона и зона отдыха, а также зона, где вы можете привести себя в порядок...

— Нет-нет, вы не поняли. Мне нужна *моя* комната. Я хочу, чтобы из моего дома... Он небольшой... Чтобы разобрали стены, пол и потолок. И воссоздали их на станции.

Они обещали подумать. С той встречи я беспокоился лишь об одном: только бы они не приняли решение снять меня с проекта. Я рисковал, рисковал ради Тебя.

Но Ты удивила меня. Помнишь, что Ты сказала?

— Нет, конечно, я рада. Но я не готова, понимаешь? Не готова жить между землей и небом, не готова потратить годы на какой-то станции.

— У нас будет своя комната, — убеждал я Тебя. — И не такая же точно, а *вот эта самая*. В которой мы впервые... в которой мы прожили, провели...

— Мы даже не женаты, — возражала Ты.

— Поверь, едва я овладею звездным светом, как мы вернемся сюда. Эту комнату вставят обратно, воссоздадут. И мы тут же исправим!

— Ты лучше скорей возвращайся, — говорила Ты и уходила, не желая продолжать разговор.

Вскоре меня пригласили наниматели.

— Что ж, — услышал я. — Для корректора у вас немалые запросы. Но мы посоветовались и решили: ваша комната будет на станции. Собираетесь жить с женой?

— Она не жена мне. Просто любимая. Мне бы хотелось, чтобы ее могли привозить и забирать обратно. Это будет не так уж часто, я даже не требую дополнительных рейсов. Только те, что и так в плане.

Они дали согласие и на это. Но Ты сумела снова поразить меня.

— Мне нужен твой клон. Ты ведь не думаешь, что я хочу лишиться тебя совсем?

Я не поверил своим ушам. Ты не соглашалась лететь *со мной*, но не хотела оставаться *без меня*!

— Послушай, ты ведь понимаешь, что клон — это не я? Ты насмотрелась сказок о далеком прошлом и плохо ориентируешься в реальности. Это лишь название для удобства: клон.

— Я понимаю, — твердо сказала Ты. — Не думай, что я глупышка. Их называют еще мужеботами. Ну, если они для женщин.

— Да как ни назови! Это оболочка, как резиновая кукла, пусть даже во много раз реалистичнее. Она не станет мной!

— Успокойся. Я буду помнить, что это не ты.

— Хорошо. Допустим, я ничего не имею против. Но ведь Ты знаешь, что сделать клона — это не взмахнуть рукой, не дунуть-плюнуть. Это кропотливая работа, сбор информации, построение воздушной матрицы, овеществление ее, наращивание тела. А мне завтра приступить к проекту, я просто не успею!

— Что ж, готова подождать, — согласилась Ты. — Сделай клона там. А когда приеду в гости, заберу.

«Приеду в гости...» Как это мило прозвучало: приеду. Все звезды на небе свидетели: я не хотел терять Тебя. То, что Ты придумала, было на грани шантажа, но я любил Тебя.

— Но если об этом узнают... — робко возражал я.

— Ты сам говорил, для создания клона нужно только несколько программ. Ну и материал для тела, но в своем статичном виде он весьма компактен. Ты сможешь там этим заняться, а когда клон будет готов... Ну, убеди их, если просекут, что ты им нужен как специалист, похвастайся успехами. Они ведь будут?

Да уж. Пока я вечно смотрел на звезды, Ты обеими ногами стояла на земле. Это первичные потребности, без них не обойтись так долго, убеждал я сам себя. Хотя идея делать «это» с клоном вызывала оторопь.

Ты ничего от меня не скрывала. Была такой, какая есть. В конце концов, мы не первые и не последние в мире, кто создавал клонов, чтобы использовать их так. Удовольствие не из дешевых — материал, все эти программы, и не из простых. Но когда-то, на заре времен, и обычный 4D-принтер казался чем-то необыкновенным.

2

Обживаться на станции не было времени, да особо и не пришлось: что обживаться в собственной комнате? Выходя из нее, я попадал в круглый коридор, посреди которого находился цилиндрической формы лифт с раздвижными дверями. Это был стыковочный отсек. Именно к нему прибывало грузовое судно — воздушный катер, доставлявший еду. На нем же должна была отправиться ко мне и Ты.

Из коридора велиище три выхода: в отсек, где я мог помыться и справиться потребности, в миниатюрную кухню и собственно в рабочий кабинет со множеством приборов, установок, о которых я не стану говорить, — к чему Тебе знать? И огромный экран-стекло. Сидя в рабочем кресле, я видел перед собой как на ладони города нашей большой страны. Как я захотел, увидев эту красоту впервые, чтобы Ты оказалась здесь, разделила восторг и радость.

Я чувствовал себя пилотом большого космического корабля, но мой рабочий отсек лишь отчасти напоминал кабину пилота. Я не имел возможности управлять полетом, мог лишь поднимать и опускать станцию в допустимых, заданных с земли пределах. Хотя изображение, которое я видел перед собой, казалось настоящим видом из окна, хотя сам экран окном не был. Он показывал в точности тот вид, который открылся бы с обзорной точки на этой высоте, будь здесь действительно окно. Специальные функции позволяли приближать и удалять изображение, менять цвета и моделировать различные эффекты. Это было непередаваемо, захватывало дух.

Недолго думая, я принялся за клона. Его создание выглядит простым в теории, но занимает много времени. Сначала моделируется пространство и вместе с ним некое колебание воздуха, которое принимает очертания, похожие на человека. Они видны только под определенным углом, и то очертания формируются лишь по мере того, как эта сущность насыщается информацией, которая перекачивается из фрагментов кожи с разных участков тела. Эта часть самая неприятная: необходимо перетерпеть процедуру изъятия, которую выполнит специально предназначенный прибор с длинным и узким наконечником. Отщипывание участков кожи похоже на укусы крупной мухи. Кусала ли Тебя когда-нибудь муха?

Нет, теперь я бы спросил несколько иначе: какая муха Тебя укусила?

Я отвел для будущего клона самый дальний угол кабинета, мне хотелось думать о нем реже. Попытался сосредоточиться на задачах, изучал нужные звезды, вычислял кубометры света, прокладывал световую логистику, сопоставлял технические затраты и высчитывал нужные мощности.

Так прошел месяц или около того. Наконец, пришло известие с Земли; связь с метанаучным центром:

— К вам направляется первый рейс. С продуктами и прочим, как заказывали. На рейсе летит и ваша девушка. Также должен напомнить, что мы ждем от вас более активной работы. И более результативной. Не злоупотребляйте нашим доверием.

Связь с Землей прекратилась, а я сидел, глядя в экран, и думал только об одном: клон не готов. Что я скажу Тебе?

Я перепроверил программы. Пошагово все свои действия, пытаюсь разобраться, где мог допустить ошибку. Проблема в том, что он никак не хотел обрастать телом, хотя материал, подключенный к системе, был готов на 95%, он разрастался и все больше тактильно напоминал человеческую кожу. Ему оставалось только остановиться в делении и принять необходимую форму, став единым целым с

бестелесной сущностью. Процент ее готовности был примерно таким же, в районе девяносто пяти. Но достигнув этой отметки, показатели отчего-то перестали расти, застыли на ней, словно скачивался объемный файл, и вдруг отключился Интернет. Такого не бывает, возразишь Ты. Знаю, это только для наглядности.

Вот ведь как получилось, думал я тогда: две сущности, материальная и информационная, стремились навстречу друг другу, и были созданы все условия, но что-то мешало. Что?

У меня оставалось не так много времени, чтобы это понять.

3

Ты помнишь? Ведь было неплохо, когда Ты наконец прибыла. Я поднял станцию выше, и из того самого окошка, откуда прежде виднелась тоскливая дорога, по которой пару раз в день проезжал автомобиль, мы наблюдали теперь облака. Они лежали под нами, будто бы у наших ног. На самом деле, это был тоже экран, но я решил не говорить Тебе.

Было совсем немного времени, служебное судно не планировало задерживаться. Мы лежали, смеясь, и смотрели в потолок, как и там, на Земле, в беззаботные дни, когда мы едва познакомились и только начинали узнавать друг друга.

Потом Ты вышла, а я присел на кровать, отдышался. Стал медленно одеваться, перевел экран в режим зеркала, причесался. Казалось бы, что могло произойти? Но именно тогда-то я впервые по-настоящему испугался.

Ты вбежала ко мне встревоженная, голос дрожал, и я сразу догадался: на сей раз Тебе не до шуток.

— Там какая-то женщина?

— Здесь не может быть женщины, — ответил я. — В коридоре тусклый свет, Ты, наверное, увидела тень и Тебе показалось.

— Я видела ее! Я видела, — упорствовала Ты.

Мы вышли в темный круглый коридор, и я включил свет. Внезапно распахнулись двери цилиндрического «лифта», это было очень неожиданно и выглядело так, будто я сам нажатием кнопки открыл их. На пороге возник человек в форме с каменным выражением лица.

— Прошу вас следовать за мной, — отчеканил он. — Мы должны отправляться строго по расписанию.

— Но здесь какая-то женщина! — воскликнула Ты.

— Здесь нет женщины. Это просто невозможно, — он протянул Тебе руку. — Прошу вас, мадам. Иначе эта поездка сюда станет для вас последней.

— А клон? — вдруг вспомнила Ты, и я сжал зубы, зажмурился. Человек в форме взглянул вопросительно.

— Кулон, — нашелся я. — Она имеет в виду кулон. Для нее это важно. Понимаешь, — я посмотрел на Тебя умоляюще. — Я не успел починить его. Там сложный случай.

Мне надолго запомнилось Твое возмущение.

— Это ты сложный случай! И вся наша жизнь сложный случай. У тебя здесь черт знает что происходит. Ты что-то от меня скрываешь!

Человек в форме не выдержал и повысил голос:

— Предупреждаю в последний раз. Вас обоих. Срыв расписания повлечет за собой серьезные проблемы.

— Да чтоб вас с этим расписанием! — в сердцах воскликнула Ты и нырнула в проем. — Чтоб вас всех!

«Глупость какая-то, — бормотал я, вернувшись в рабочий отсек. — Женщина! Надо ж такое придумать! Похоже, действительно ей нужен клон. А то, того гляди, и с ума сойдет».

Я мог отказаться от клона и сосредоточиться на звездах. Но в этом случае я мог бы забыть о Тебе. А лишившись Тебя, мне оставалось биться о стены в одиночестве, отчаянии, тоске. Какой уж тут проект! Я спроецировал поток звездного света на город, приблизил квартал и раскрыл зонд. На квартал пролился ослепительно-белый поток. Но город не видел этого, ведь я включил учебную программу. Это была просто картинка, развлечение для одного человека, застрявшего в облаках.

— Красота — повторял я. — Красота.

Глядя на квартал, залитый светом из небесного источника, я скучал. Скучал по Тебе.

Мое сердце сжималось и болело. Что-то было неправильное во всем этом: и в последней встрече, и в наших отношениях; разве я мог подумать, что они превратятся в *такое*? А Ты? Неужели *нас* мог спасти только дурацкий клон?

Вспомнив о нем, я глянул в сторону своей маленькой лаборатории и заметил странность: что-то случилось с будущим телом. По показателю на экране его объем превысил двести процентов.

При ста, допустимых для одного клона.

— Не может быть, — выдохнул я. Казалось, с этим выдохом из меня выходила душа, как воздух из шарика. Я понимал: второй клон мне здесь не сделать, права на ошибку не было. А вот сама ошибка была.

И тогда я заметил еще одну странность. Само тело, а вернее, разбухавший материал, готовившийся для него, значительно уменьшился в размерах. Но при показателе в двести такого просто не могло быть! Я подскочил и в панике добежал до угла рабочего кабинета, где все эти дни наполнялась информационная сущность клона — отдаленно похожий на человека силуэт из плотного воздуха. Дурное предчувствие не обмануло меня: сущность исчезла.

Время, доступное для материализации, истекло. И девяносто пять процентов готовности клона превратились в абсолютный ноль.

Я увидел *ее* впервые именно в тот момент. Здесь была женщина, Ты оказалась права.

4

Я бы даже не мог сказать точно, что она *пришла* в мой рабочий отсек. Она возникла в нем, появилась. Она *перемещалась* — одинаковыми ровными движениями.

Женщина была обнаженной.

Конечно, я испугался. Заорал, попытался спрятаться. Но прятаться было негде.

— Что вам нужно? Кто вы такая? Откуда? — кричал я. Полагаю, на меня было страшно смотреть.

Но она и не смотрела.

Она только ходила, словно лунатик, передвигая ноги. У нее не дернулся ни один мускул, ее лицо не выражало никаких эмоций, а глаза не моргали и смотрели все время вперед. Хотя я даже не могу сказать с уверенностью, что они смотрели.

Женщина и не собиралась приближаться ко мне. Все так же сомнамбулически она покинула мой кабинет и пошла куда-то по коридору. Меня потряхивало. Помимо

того, что не находилось никаких объяснений этому невыносимому явлению, я отчетливо понимал: мне никуда от него не деться. О какой работе теперь вообще могла идти речь? Запереть ее в комнате, ванной, закрыться здесь самому? Это все, что я мог. А что дальше? Сидеть, трястись, ждать следующего рейса пару месяцев? Да ведь я просто сойду с ума! Я отказывался думать, что мне придется провести здесь столько времени с ней. С ней!

Земля вышла на связь неожиданно. Просто погас экран с картинкой ночного неба, и на ее месте возникло лицо руководителя проекта. Руководитель говорил из своего кабинета, за его спиной я видел герб и флаг. Он застал меня сидящим на полу. Я дрожал, прильнув к стенке, и всхлипывал. Я был жалок.

— Мне сообщили, что вы готовили клона, — голос руководителя был суров. В любую другую минуту я стал бы все отрицать, клясться, что все не так, вспомнил бы версию с кулоном. Но теперь, исполненный ужаса, я только просил:

— Заберите ее. У меня здесь обстоятельства, непредвиденные. Здесь полуживая женщина. Я уверен, что это не глюк, она реальна.

Руководитель протянул вперед руку, видимо, чтобы подвинуть камеру, и я заметил, что он находится в кабинете не один. Рядом с ним сидела Ты. И Ты была в ярости.

— Она голая, да? — кричала Ты. — Она голая? Зачем ты сделал из меня идиотку? Я что, похожа на идиотку?

Мне казалось, что я седею от ужаса. Жизнь стремительно рушилась, рассыпалась в пыль, а я не знал, что сделать, за что уцепиться, чтобы хотя бы немного замедлить этот процесс.

— Уймите ее, пожалуйста, — попросил я руководителя. — Что она делает там, у вас?

— Командир служебного рейса доложил о своих подозрениях. Простите, мы были вынуждены поговорить с вашей девушкой.

— Почему вы не сказали, что она у вас? — я был в ярости. — Почему не сказали сразу?

— А что, — шипела Ты. — Хотел все скрыть, а не получилось? Покажи мне ее, покажи! Ну давай, слабо, что ли?

— Я не понимаю, что это, — отчаянно кричал я. — Она не человек. Она как будто не совсем живая.

— Мы больше никогда не будем вместе, — ответила Ты ледяным голосом.

Меня охватила паника. Моя девушка приезжала навестить меня, своего вроде как бы любимого, стоящего на пороге огромного достижения, способного изменить мир! И о чем она думала? О том, чтобы я с кем не переспал! На чертовой станции в облаках, закрытой со всех сторон! Чтобы я не изменил ей там! Вдуматься только: Ты меня ревновала!

Я вжался в стену, словно меня пригвоздило к ней отравленной стрелой. Хотелось забыться.

— Я уезжаю, — твердо сказала Ты. — Не рассчитывай увидеть меня снова.

— Господи! — вскричал я.

— Не взывайте к Богу. Все, что с вами происходит, имеет вполне конкретное метанаучное объяснение, — невозмутимо сказал руководитель. — Призраки.

Я не сразу поверил в то, что услышал. Уставился недоуменно на экран.

— Да, вы имеете дело с материализовавшимся призраком.

— Что за ерунду вы порете? — не выдержал я.

— Не дурите. Вы захотели воссоздать свою комнату, и вам воссоздали комнату. Но никто ведь не знал, что вы собираетесь воспроизводить на станции мужебота.

— Я не...

— Не отпирайтесь, в вашей ситуации это более чем глупо. Вы хотя бы знаете, как производят этих клонов на Земле? Вы хоть раз наблюдали этот процесс?

— Но он технически совсем не сложный, — произнес я надломленно.

— Возможно, это так. Но вы не учли важное обстоятельство: всех клонов производят в наистерильнейших условиях, в замкнутых очищенных отсеках, созданных специально для этого процесса и ни для чего кроме! В них никто не мог не то что жить, а даже просто находиться.

— Но почему?

— Из-за тех самых призраков. Ваша комната была изъята вместе с призраками, которым не посчастливилось находиться в ней во время демонтажа и транспортировки. И эти призраки теперь у вас на станции. Вот, собственно, и все, что нужно знать.

Мне стало очень холодно и страшно.

— Но она здесь одна, — сказал я срывающимся голосом.

— Полагаю, материалом для создания тела вы запаслись. Так что должно хватить на всех, а сколько их там будет, я не знаю. Вам это станет известно скорее. Видите ли, вы запустили совсем не тот процесс, на который рассчитывали. Призраки более сильные сущности, чем вяло формирующаяся псевдосущность клона. Они перехватили у него тело и забрали себе. Теперь осталось лишь разделить материал поровну.

— Спасите меня, — только и сказал я.

— Мы что-нибудь придумаем, конечно, — ответил руководитель. — А пока пусть это будет уроком. И да, мы по-прежнему ждем результатов проекта.

Он отключился, и я снова увидел черное небо. Там светили далекие звезды, проплывали огромные мрачные корабли. Я заперся в отсеке и просидел там до утра. А потом весь следующий день. Становилось понятно, что помощь придет нескоро.

Я посмотрел на индикатор клона, и там, где еще недавно было число двести, увидел страшное: восемьсот.

Материал для тела был полностью израсходован.

5

Прошло время, и я свыкся с призраками. Это оказалось проще, чем привыкнуть к мысли, что Ты решила отвергнуть меня, отказавшись от всего, что мы так долго строили.

Их оказалось восемь. Восемь призраков, Ты только представь такое! Я выходил и считал их, а что оставалось делать? Вся еда была за пределами рабочего отсека. Об уборной вообще молчу.

Я никогда не задумывался о том, что призраки могут жить среди нас. Жить своей отдельной, даже *отделенной* жизнью.

По привычке, да и просто по незнанию, продолжаю называть их призраками и теперь. Но те, в вынужденном соседстве с кем я живу и пытаюсь работать, перестали быть призраками с тех пор, как обрели тела. Не предназначенные для них тела.

И нельзя ведь сказать, что они *живут* в этих телах, они находятся в них, как в ловушках, из которых не могут выбраться. Они пребывали только в одном состоянии — полуживом-полумертвом. Но это только казалось мне: на самом деле ни жизни, ни смерти, ни даже чего-то среднего в них не могло быть. Я не знал их природы и не хотел знать, лишь слегка догадывался, *что* произошло.

Больше всего я боялся, что они внезапно перейдут в *другое*. Что они изменятся, станут говорить, дышать, шевелить руками и, конечно, чего уж там, опасался, что они окажутся способны на агрессию. Неконтролируемую, сверхъестественную. Но ведь клоны, те же мужеботы, никогда не переходили в *другое*. Они были лишь тем, что в них загрузили. А в этих призраков, похоже, не загрузили ничего. Информацию на них никто не записал, и попав в поле влияния, которое я запустил для создания клона, они примерили тело, одно на всех восьмерых, и стали его рабами. Своим внезапным появлением они перетянули на себя все мощности приборов. Но чего-то им не хватило или что-то пошло не так, а может, что вероятнее всего, система создания клонов не была элементарно совместима с ними. Вот и дала сбой, выполнив лишь то, на что была способна, и в том виде, в котором смогла.

Глядя на город со своей невообразимой высоты, я молился, чтобы Ты вышла на связь или центр сообщил о Тебе хоть что-то. Вокруг бродили призраки в искусственных телах, и я, кажется, быстро понял, что смогу с этим как-то жить. Но вот как мне жить без Тебя?

Я ходил по коридору, комнате и всюду натыкался на них. Ворчал, ругался, орал матом, а потом, осмелев, даже стал толкать, когда они, медлительные, преграждали дорогу. Среди них больше не было женщин, кроме той, единственной. Все остальные семеро оказались мужского пола — что бы сказала, узнав об этом, Ты? Ревновала бы? Они походили друг на друга, как капли воды, но все же один из них был чуть отвратительнее. То ли мне так казалось, то ли материала тела уже не хватало, когда он материализовывался. У него было перекошенное лицо и кривые губы, я так и прозвал его: Кривой.

Прошел месяц, я каждый день возвращался к работе, поначалу через силу, я заставлял себя, но со временем стало проще. Задание не удавалось. Несмотря на верность всех расчетов и выверенность действий при проекции на город свет выливался весь. От такого обилия те, кто мог находиться в квартале, могли ослепнуть. Но с населенными домами я, конечно, не работал: для опыта была возведена модель города в далекой глуши, спрятанной от посторонних глаз.

Хотя теперь, узнав о призраках и убедившись, что они существуют, я понял: скрыться от посторонних глаз нельзя.

Однажды, в очередной раз истратив весь свет дальней звезды попусту, я выскочил в коридор и долго в бешенстве колошматил по толстой стене «лифта». Да, мои нервы стали ни к черту, подумаешь Ты, но успокою: я нашел, как спускать пар. Каких-то две минуты, и я снова в порядке: спокоен, сосредоточен. Насколько вообще возможно в таких условиях. И в этом мне помогает Кривой.

В тот раз он как нельзя кстати шатался по коридору; не помню, чтобы когда-нибудь в своей жизни поднимал руку на человека. Но передо мной был не человек, и я, обозленный, заметил его.

В общем, я измочалил Кривого. Отмолотил. Отдубасил. Избил в мясо. Я бил и бил по его тупому лицу, а ему хоть бы хны: не падал, не уворачивался, лишь слегка подавался назад, чтобы тут же вернуться, как ванька-встанька, в свое прежнее положение.

Я нашел боксерскую грушу. Идеальную бессловесную грушу, как некоторые ставят в углу кабинета куклу начальника. Моя же кукла сама приходила ко мне. Разве что сама не просила: «Избей меня».

Ты спросишь: нравится ли это мне? Да, очень. Я бью его с удовольствием, я делаю это теперь часто.

Земля выходила на связь, но мои наниматели ничего не желали слушать, ни о призраках, ни о Тебе.

— Вы там занимаетесь черт знает чем, развлекаетесь, — кричал руководитель, и какие-то люди в военной форме с автоматами стояли рядом с ним. Я их не видел прежде; мы разве нанимались работать на военных?

— У меня здесь призраки. Вы можете забрать их? — умолял я. — Что вам стоит? У меня кончается еда!

Они долго совещались там, на Земле, а потом сказали:

— Мы этого делать не будем. Технические рейсы не предназначены для подобных ситуаций.

— Но можно же что-то придумать! Пустите дополнительный рейс! Или в конце концов, знаете что... Заберите меня. Заберите меня отсюда! Для таких ситуаций у вас что-то предусмотрено?

— Да, — твердо ответили с Земли. — Для таких ситуаций у нас предусмотрен ответ: вы должны выполнить свою работу по контракту. Мы вас не заберем, пока вы ее не сдадите. То, что мы видим на полигонах сейчас, извините, непрофессионально.

Тогда я вспомнил о Тебе.

— У меня исчезла любимая. Исчезла потому, что вы ей ничего не объяснили. Почему вы ей позволили уйти?

Земля молчала.

— Мне нужно наладить с ней связь, помириться с ней! Сделайте же что-нибудь! Найдите ее, уговорите подняться сюда!

Они снова переговаривались, отвернув камеру от меня. Это было невыносимо. Наконец я услышал ответ.

— В наши задачи это не входит. Да и с рейсами сейчас не все так просто. Знаете, а у вас ведь там есть выход.

— Выход? О чем вы?

— У вас там есть женщина.

Знаешь, я даже не сразу понял, *что* он хочет сказать.

— И в чем же выход?

— Как вам снимать ваш стресс.

Экран отключился. Связь была завершена.

6

Мои опыты не приводили к успеху. Даже в начале я был к нему ближе; пусть свет в последний момент вел себя совсем не так, как требовал заказчик, но мне удавалось без особых проблем довести его до Земли, соблюдая лишь технику, наработанную схему. Теперь же свет отказывался подчиняться, хотя я и делал все в точности то же самое. Как будто изменилась сама его природа, и растворяясь в черноте, свет подавал мне сигнал: мол, больше не хочу на Землю.

Конечно, я не спешил докладывать об этом. Ко мне все так же приходили служебные рейсы, я говорил пилотам: там, на Земле, есть Ты, и Ты мне очень нужна. А тут, на станции, призраки. Тут сбои в работе. Мне очень нужна связь с Землей, говорил я. Они кивали головой и улетали. Но однажды связь пропала полностью — как будто обо мне забыли. Я понимал, что это не может быть просто так, что тем самым мне дают понять: работай, мы ждем результатов, вот будут, тогда и поговорим.

Но и здесь случилось непредвиденное.

Экран в моем рабочем кабинете перестал функционировать. Он по-прежнему показывал картинку, но только в одном режиме — обычного окна. Я не мог ни приближать кварталы, ни играть светом, ни выбирать цели, ни предпринимать хоть какие-то действия. Мог только смотреть вниз.

И думать: где-то там Ты.

Меня охватила депрессия. Я стал слоняться без дела, подолгу лежать в комнате — насвистывать что-то или молчать. И проходя по коридору, огибая в стотысячный раз за день «лифт», я даже не трогал их. Лишь иногда с ужасом думал, что сам все больше становлюсь похож на призрака, бесцельно перемещающегося лишь потому, что ноги способны двигаться. Я превращался в такого же, как они.

Иногда я вспоминал, стараясь пережить в мельчайших деталях, чтобы приятное чувство длилось подольше, как мы с Тобой жили. Как я строил планы, добивался первых успехов в своей, казавшейся тогда романтической, профессии. Я жил будущим, не замечая настоящего, а Ты упорно не хотела будущего и делала все, лишь бы его отсрочить.

Но оно наступило. Что я в нем делал кроме того, что лежал? Иногда читал. Иногда играл в простейшие компьютерные игры на тех приборах, что еще не вышли из строя. Остальные их возможности были заблокированы; все это могло быть заговором или нападением, или черт знает чем еще. Мне было все равно. Я ждал связи с Землей, чтобы взмолиться: заберите меня. Я больше ничего не могу делать. Я ни на что не способен больше.

Меня перестал заботить внешний вид: все реже заходил в уборную, чтобы помыться, привести себя в порядок. Все реже ел; последний корабль с едой задерживался, хотя прежде они прибывали четко, раз в пару месяцев. Я понимал: происходит неладное, но все же не допускал мысли, что может дойти до худшего. Стал экономить.

Завидовал призракам, — они ничего не хотели есть. Да и вообще ничего не хотели.

Я вспоминал последние разговоры с Землей в поисках зацепки, на что рассчитывать, как выкрутиться, и вдруг всплыл дурацкий совет руководителя.

«У вас там есть женщина, — будто снова услышал я. — Как вам снимать стресс?»

Его слова звенели в ушах, и я чувствовал, что они, застывшие, будто желе, впервые за долгое время побуждают к действию, провоцируют во мне импульс. Когда я услышал их в том разговоре, постарался скорее забыть. Меня воротило, тошнило от них. Я хотел и даже успел забыть. Но теперь стало так *горько*, что даже такая ужасная мысль начинала казаться сладостью.

И я нашел ее. Нашел ту, которую никогда не воспринимал *так*. На которую не вздумал бы *так* посмотреть. Она медленно передвигалась, и я шел рядом, изучал ее. Она была обнажена, и ее кожа казалась упругой, как у молодой женщины. Разве что бледнее, чем бывает у людей. Но других дефектов я не обнаружил. Все было на месте: голову женщины-призрака украшала аккуратная короткая стрижка, повторюсь, ее тело выглядело идеально гладким.

Другие призраки шли мимо нас и ничего не видели. Они никак не реагировали на женщину, как не реагировали ни на что и никогда. Да и она, если говорить честно, а я ведь всегда был честен с Тобой, не сильно от них отличалась. Прическа, небольшая грудь, округлые ягодицы. Внешне все призраки схожи, и она не была исключением.

Я решил *не смотреть в ее лицо*. Знаю, звучит ужасно, но я решил.

Чувствовали ли они хоть что-нибудь до того, как обрели тела? Я никогда не узнаю; все, что нам известно о призраках: они есть. Да и то, разве многие в это верят? Разве верил в это я сам?

Они ничего не могли сделать, никак не сопротивлялись, только смотрели этим страшным взглядом, а вернее, совсем не смотрели, не используя функцию тела: смотреть. Я хотел увидеть свет далеких звезд в ее глазах, найти универсальную формулу, как делали открытия ученые древних времен: во сне или случайно, повинуясь импульсу. Я мог бы применить увиденное в них и перевернуть свою жизнь, жизнь мира. Но в глазах, которые видел перед собой, не было никакого света.

А потом вдруг понял, обыденно, обыкновенно: ничего искать не нужно. Нужно снимать стресс.

Так мы стали парой: искусственное тело с заключенным в него призраком и я. Кто она такая? Была ли она когда-нибудь женщиной? Была ли когда-нибудь живой, а после умершей? Или все эти призраки лишь бестелесные сущности, которые заполняли собой параллельный мир, проживали в них параллельные нашей жизни? Я не видел ее и ничего не знал о ней. Передо мной и подо мной была резиновая кукла, которая могла передвигаться. Стоило усилий уложить ее и удержать в том положении, которое мне требовалось.

Когда это случилось в первый раз, я даже о Тебе не вспомнил. Лишь выпавшись, понял: теперь меня есть за что ревновать.

Равновесие восстановилось.

7

Все это стало моей новой жизнью, и только комната напоминала о прежней. Я дошел до того, что стал говорить с призраками, рассказывать им случаи из жизни, сообщать им, что я думаю. Иными словами, если раньше я сходил с ума медленно, то с некоторых пор процесс пошел быстрее.

Минуло где-то полгода с прибытия последнего служебного рейса. Я разделял еду на маленькие кусочки и старался вообще не есть. Пил по стакану воды в день и, если честно, начинал думать, что близок конец. Я вдруг с чего-то решил, что если не буду работать, на связь со мной не выйдут вообще. Нужно было хотя бы изображать деятельность за неработающими приборами и сломанным экраном.

Но во всем, что я делал теперь, чувствовал себя тупым. Я был опустошенным, полым, мне казалось, что все знания словно вынули из меня, и оставшееся бесполезное бессмысленное существо мое осознавало, что оно слабо, что ему не выбраться. Когда Ты исчезла, я считал минуты до каждого нового служебного рейса, я встречал его как спасенье, надеясь, что Ты выпорхнешь из дверей лифта навстречу мне. Но Ты не появлялась, и надежда гасла, а потом и вовсе ушла. Ее отсутствие не тревожило больше, *не болело*. Оно стало нормой.

Я перегорел. Лежал, смотрел в окно из комнаты, шатался целыми днями по круглому коридору.

В день, когда случился тот звонок, на один из бортовых планшетов мне пришло напоминание от компании-нанимателя:

«Поздравляем, вы три года на проекте. Гордимся вашими успехами, достигнутыми вместе с нами! И желаем не останавливаться на этом великом пути». Вначале я воспринял эти слова как насмешку. Ведь больше половины из этого срока я уже не думал ни о проекте, ни о чем другом.

И только потом меня осенило: напоминание не прислали, его запрограммировали, *заложили* еще на Земле. Я получал такие прежде, но забыл.

А спустя какое-то время со мной связались.

Экран включился неожиданно, вид из окна исчез, и я увидел совершенно не знакомого мне человека, худого и лысого, в военной форме. Кажется, он стоял, и совсем не в нашем офисе, а где-то в открытом поле. За спиной его был лес, а в руках оружие.

— Я знаю, с вами долго никто не связывался, — он начал без предисловий; было похоже, что явно торопился. — Можете нас извинять, можете не извинять. Видите ли, прошло много времени, и у нас это время было, скажем так, непростым. Курировать ваш проект некому. И я думаю, это продлится долго.

Он замолчал, ожидая моей реакции.

— И... что же мне делать? — осторожно спросил я.

— Для начала гляньте в окно. Не бойтесь, я отключусь и выйду на связь снова. Просто посмотрите.

Я подумал, что давным-давно, с тех пор как решил не работать больше, не заглядывал вниз, на Землю. И то, что увидел теперь, шокировало меня, заставило отшатнуться, отбросило на пол к стене, совсем как в тот день, когда я впервые увидел призрака.

— Вы видели? — снова вышел на связь лысый. — Проливать свет у нас больше не на что. Вот если бы можно было слить на это все дерьмо солнечную лаву, так, чтобы спалить его к чертям, — он долго ругался. — Вот это было бы дело.

— Там все и так горит, — сказал я пораженный. — Все и так в огне.

— Все убивают всех. Война, — коротко ответил лысый. — Так что считайте, вы в самом безопасном месте.

Он несколько раз тревожно обернулся; похоже, на разговоры со мной у этого человека оставалось совсем немного времени.

— В общем, хотите возвращаться, хотите нет. Я попробую организовать вам рейс, хотя сами понимаете, это будет сложно. С другой стороны, и возвращаться-то некуда. Вы улетали совсем из другого мира, поверьте, я знаю, о чем говорю.

— Моя девушка, что с ней? — спросил я. — Вы не знаете, где она? Она выходила на связь?

Лысый посмотрел на меня жестко, но в то же время слегка снисходительно. И промолчал.

Связь прервалась. Я подбежал к экрану, нажимал на кнопки, бил по нему кулаком, но все было бесполезно. Тогда я просто застыл перед ним, стоял и смотрел на пылающие города и свое отражение в стекле: заросший, больной, исхудавший, с безумными впалыми глазами.

Я думал в тот момент: где Ты? Не понимал, не находил оправдания: как же могло случиться так в тот злополучный день? Почему Ты не дослушала, не поняла; к чему была эта ревность, зачем? Так ли была важна тень, проскользнувшая в коридоре?

Этот лысый вынес мне приговор: я остался один. И даже не успел спросить: а что с едой? Удастся ли отправить рейс? Доберется ли он? Мир рушился. Но какое это имело значение для *призрака*?

Я нашел Кривого и долго его бил. Бил головой о свое колено, о стену, кулаками по лицу, под дых, ногами. Бил и орал. Бил и пытался вернуть, пробудить в себе жизнь.

А потом сидел на полу, тяжело дышал.

— У меня, кажется, есть идея. Будем пробовать с Солнцем. Попробуем все залить. Попробуем, — я нервно хохотал.

Но хотя я и был благодарен Кривому за то, что выпустил пар, говорил я совсем не с ним. Какой толк в разговоре с призраком?

Я говорил с Тобой. Да, в последнее время я все чаще говорил с Тобой. Громким, отчетливым голосом, не скрывая своих мыслей; от этих, резиновых, у меня уже давно не было тайн. Мне казалось: чем больше я стану с Тобой говорить, тем скорее увижу Тебя. И я говорил, говорил, говорил с Тобой!

И я увидел.

8

Ты за окном, с той стороны экрана. Пылает Земля внизу, а над нами идут черные облака. Корабли с далекой высоты бросают тяжелые бомбы в огненную реку бывших городов.

Все было не напрасно, думаю я, а сам и смеюсь, и плачу. Все было ради этой встречи, ради того, чтобы видеть твое лицо. И я его вижу.

— Не надо, — говоришь ты. — Не надо.

— Думаешь, не надо? — сомневаюсь я.

Ты улыбаешься и наклоняешь голову, и яркая вспышка внизу ослепляет на миг и гаснет.

— Пусть это будет звездный свет, — говоришь Ты. — За которым ты и отправлялся в путь.

— Но там... — пытаюсь объяснить я. — Там, взгляни.

— Я знаю, — говоришь Ты. — Я *оттуда*. Не нужно менять свой курс из-за того, что *там*.

— Конечно, — соглашаюсь я, и во мне просыпаются силы. — Конечно, — кричу я Тебе сквозь стекло. — Я хочу, чтобы Ты там увидела звездный свет. Увидела и знала, что все получилось. У меня все по-лу-чи-лось!

Я бью по глади экрана и хохочу.

— Я хочу увидеть твой свет, — говоришь Ты твердо. — Я хочу.

— Может, когда-нибудь под этим светом ты построишь город.

Ты киваешь, хотя, кажется, знаешь точно.

— А если не построю, так просто буду знать, куда идти, — отвечаешь Ты.

Я прикладываю руку к экрану, и Ты делаешь то же самое. С той своей воздушной стороны. За моей спиной стоят семеро призраков, внимательно смотрят на нас. Приоткрывается дверь, и входит она, восьмая. Я наклоняюсь к стеклу, прижимаю к нему губы и шепчу еле, только Тебе одной, слышно:

— Туда, где я.

Америка

Мы были два простых парня. Вечерами брали по бутылочке пива, вернувшись с учебы или работы, и садились на широкую скамейку, одну из трех, стоящих буквой «П» у перекрестка. Смотрели на проезжающие троллейбусы, те бывали двух типов: короткие и длинные, с гармошкой; и на окружающих людей, они были одного типа: суетливые, спешащие купить хлеба, колбасы или того же пива и скорей укрыться в своих квартирах. Мы доставали сигареты, прикуривали. Я носил пилот, простые черные джинсы и бэг — дешевую тряпичную сумку. Мой друг — пуховик и спортсивки. Вспоминали о чем-то, смеялись, думали, чё делать дальше. Вариантов, как правило, не было, а потому мы так и сидели, никуда не спеша.

Взглянув на нас тогдашних, любой сказал бы: гопники. Я же вообще не знал

такого слова — мы ходили куда хотели, делали, что хотели и никого не боялись. Мы выглядели так, как будто умели, и развлекались так, как умели, просто не зная других развлечений среди огромных коробок, в которых жили, и обладая теми средствами, которыми обладали, то есть не обладая ничем. Кроме смутной надежды, что когда-нибудь будет иначе, будет что-то еще, кроме троллейбусов. Можно было стоять в подъезде, покуривая в окно, или сходить на трубы. (Но это если было денег хотя бы на бутылки три: дорога предстояла дальняя, в конец района.) Или шататься по улицам, или сидеть на лавках. Пока наши домашние занимались своими привычными делами: ругались и протирали пыль.

А еще мы писали стихи. Вернее, это из нас выливались огромные грязевые потоки жутких, никчемных стихов, я измерял их количество сотнями, не успевая клепать сборники, и только на восьмом обнаружил: что-то наконец получилось. Писал их и Антон, так звали друга, и другие наши приятели, все вместе мы ходили на Корабль — странную квартиру, куда нужно было позвонить семь раз подряд, чтобы тебе открыли. Там жил худой и непрерывно курящий человек старше каждого из нас, а нам было лет по девятнадцать. Он выпускал «самиздатовский» журнал, и мы, запасшись бухлом и стишатами, спешили на этот Корабль, чтоб вместе с ним снова идти ко дну. Там были люди с никами «Валькирия», «Дементия», «Тёмная принцесса», DarkBlackRain — нежно влюбленные в свой образ толстые девочки, угловатые, некрасивые мальчишки. Все молчаливо признавали, что вряд ли когда-нибудь поднимутся на борт большого литературного корабля, и, приняв это умолчание, ожесточенно спорили на страницах самопального журнала, боготворили или разбивали в прах, строили козни, давили, ломали, грызли друг друга. Все как и положено по-настоящему. Однажды у Антона появилась дикая идея: он придумал для нас премии. О литературных мы не знали, вдохновляло радио. Помню их названия: «Поэтика», «Строфика». Можно было награждать друг друга, голосуя в прокуренном подъезде возле лифта, прижавшись к теплой батарее спиной.

Об этих людях, хотя и не нашел со многими общего языка, вспоминаю с теплотой. Спустя много лет я упомянул о них в своей так называемой победной речи, когда меня пустили поглазеть на мир гигантов мысли, на большой и уже настоящий корабль — вручение премии, придуманной не Антоном. Победы не случилось, но по изуверским условиям премии сочинить такую речь должен был каждый. Наивный, я написал о тех парнях и девчонках, что живут литературой, но даже не верят, что когда-нибудь им дадут сигнал с большого корабля: поднимайтесь на борт! Должно быть, восседавшие в жюри изрядно потешались над той моей запиской: «Вот идиот-то!» У меня не было ни одного знакомого на их большом и сияющем Корабле, и меня, схватив за руки и за ноги, выбросили за борт: «Литературой займутся другие, за нее не беспокойся. А ты — дерьмо. Тебя ждут другие дела, дерьмовые».

На Корабле-то мы и познакомились с той девушкой, у нее был псевдоним «Шелли». Она была старше нас, готовилась стать инженером, и у нее уже была книжка, выпущенная в издательстве, настоящая. Шелли никогда не показывала ее нам, но мы, раскрыв рты, верили. И пригласили посмотреть на троллейбусы, обещали угостить пивом. Она долго сомневалась, но, видимо, не смогла устоять перед обаянием простых петербургских лузеров с окраины. А вероятнее, просто хотела развеяться, тоже убить время.

И вот она сидела, болтая ногами, в красном пальто, на одной из трех скамеек, другие занимали мы с Антоном. И, конечно, старались ей понравиться: от нечего делать, просто так, ибо если встречаются девушка и два парня, по-другому быть вроде

не может. Антон убеждал ее участвовать в придуманной им тотчас новой премии, а она, понимая, что для этого придется читать мусорные стишата одиноких, истосковавшихся по женскому вниманию парней, отнекивалась как могла.

Моим козырем было то, что я не только писал, но и читал в недолгих перерывах между распитием алкоголя и созерцанием троллейбусов. А раз читал, то и писал, соответственно, больше. И у меня была книга, а если быть честным, простая тетрадка в клеточку, наполненная матом, извращениями и убийствами до самой последней страницы. Я писал бы еще, но тетрадка кончилась. Шелли была высокого мнения об этой «вещице», она называла ее отборным и даже талантливым — нет, мне это не слышалось — трэшем. Но я не знал, что значит трэш, и искренне утверждал, что написал книжку о трагичности любви и, в принципе, ее невозможности. С тех пор для себя так и определяю: трэш — это произведение о невозможности любви. Шелли смеялась.

У Антона был свой джокер — он разбирался в фэнтези и фантастике, сыпал терминами, каких я даже не слышал, и пересказывал сюжеты, от которых меня клонило в сон. Но Шелли нравилось, и я с каждой секундой все отчетливее понимал, что Антон завладевает ее вниманием окончательно и бесповоротно.

— Не, — говорил я, отхлебывая пиво, — фэнтэзи и фантастика — это все туфта. Не нужно бояться реализма.

— Да ну тебя с твоим реализмом, — Антон занервничал, ведь в реализме ничего не мыслил.

Едва он это договорил, к нашим скамейкам подошел мужик, на вид лет под пятьдесят. Бородатый, усатый, с пьяным уставшим взглядом. Он присел на скамейку, а заодно и нам на уши.

— Вы тут все о поэзии, — начал он. — А я вот о ненависти.

Мужик помолчал, но заметив, что мы никак не реагируем, вдруг громко крикнул:

— Ненавижу!

И обхватил голову руками. Похоже, ему было нехорошо. Но кого он так ненавидел? Нас? Это вряд ли. Чем мы его могли так раздосадовать? Жену, выгнавшую из дома? Нехватку денег на пиво? Свою неудавшуюся жизнь? Мы не терялись в догадках, мы просто сидели, но мужик не выдержал и признался сам:

— Америку! Америку, мать ее, ненавижу.

Одет он был бедно, под стать нам с Антоном. Пуховик с красными и синими полосками, джинсы, кроссовки.

— Я во Вьетнаме бывал, слышите, — заговорил он скороговоркой. — И в Афганистане бывал. И в Северной Африке тоже. И в Центральной Африке.

Я не знал, как реагировать. Мы не бывали нигде, кроме собственного района, и вряд ли могли поддержать разговор.

— А что же вы здесь делаете? — спросила Шелли с усмешкой. — Отдыхаете?

— Отдыхать на кладбище буду! — отрезал мужик. — Охраняю вон, халабуду, — он показал рукой на минимаркет через дорогу. — А чё еще делать?

— Америку ненавидеть, — нашла Шелли.

— Не, ну я же не просто так, с нихрена вот! Америка нас унижает, Америка нас поставила на колени. Почему это все? — он описал руками неопределенный жест. — Потому что Америка.

— Ну, я тоже америкосов вообще не люблю, — неуверенно поддержал Антон.

Я молчал. Девушка напротив интересовала меня куда больше, чем Америка. Да и друга тоже. Зато она совершенно не интересовала охранника.

— Ну, вот вы и нашли друг друга, собеседнички. Темы у вас есть общие, сидите, общайтесь, — вежливо сказала Шелли и незамедлительно упорхнула.

— Вот и правильно! Проваливай, — бросил вдогонку незнакомец. — В свою Америку!

Мы с тоской провожали ее глазами, наблюдая, как она пересекает перекресток и садится в маршрутку. Ее больше не будет ни в этом рассказе, ни в каком-то другом. А мужик еще будет некоторое время, и будем мы с Антоном, до конца.

— Ну твою ж мать! — выругался Антон.

— Бабы все такие, — замотал головой охранник. — Сначала они с тобой туда-сюда там, то да сё, — он листал свой мысленный словарь синонимов, но так и не найдя ничего подходящего, плюнул. — А потом валят в Америку.

— Мужик, — в сердцах сказали мы. — Далась тебе эта Америка!

— Да мне она знаешь куда далась! Но ведь жить не дает, зараза. Жить не дает!

Незнакомец изливал нам душу, говорил о самом сокровенном. Вот только мысли давались ему все сложнее, и временами он только мычал и пытался махнуть рукой.

— Ты скажи мне, — выпалил он так быстро и громко, насколько хватило внезапного прояснения, — вот у нас страна такая большая: Калининград там, Ленинград, Урал, прикинь, Урал целый! А Сибирь-то, Сибирь! А Сахалин! — тут он и вовсе вытарашил глаза. — Сахалин-то! Вы были хоть на Сахалине, пацаны?

— Ну что тебе сказать про Сахалин, — поддержал, как умел, Антон.

— Я бы съездил, — сказал я. — Да не приглашает никто.

— Вот и я говорю: съездил! Я бы тебе по морде съездил!

Он посмотрел на нас косо, но тотчас направил агрессию в привычное русло.

— А у них страна никакая! Есть там Калининград? Нет Калининграда. Есть Ленинград? Нет Ленинграда. Ни Урала у них, ни Сибири, твою их мать, нет. А Сахалин? Чё, думаете, Сахалин у них хотя бы есть?

— Иди проспись, мужик. Вот что мы думаем.

— Вот и я говорю! Нет у них Сахалина, — торжествуя сказал охранник и начал осторожно подниматься. — А еще Америка!

Собирался он долго. То стоял, нависнув над нами, как туча, то бормотал что-то бессвязное, сопел, рычал: «ненавижу».

— У нас — образование, а у них черт-те что.

Эта последняя претензия к Америке меня рассмешила. Я полез в карман за сигаретой, а мужик, наконец-то потеряв к нам интерес, поплелся к светофору.

— Ну чего, теперь на Корабль двинем?

А куда нам было деваться? И пусть этот Корабль пришвартован навеки к нашему району, пусть мы никогда не побываем на нем ни в Америке, ни на Сахалине, но хоть поднимемся на борт, ведь так скучно в этом порту, на трех скамейках, да еще и вдвоем, без Шелли.

— Эй, смотри! — изумленно крикнул Антон.

Наш недавний собеседник шел, пошатываясь, к троллейбусной остановке, и только теперь я догадался, что же так впечатлило друга.

Во всю спину охранника, в цветах знакомого всему миру флага, красовались огромные буквы: U.S.A.

*Сопли**Вступление*

Боль.
Боль от радости
Боль от счастья
Боль от болезни
Боль от любви
Боль от дружбы
Боль от вокруг
Боль от внутри
Боль от белого
Боль от боли
Боль от себя
Боль от нечего делать
Боль от ненужности
Боль от необходимости
Боль от вечности
Боль от сладости
Боль от гадости
Боль от сна
Боль от утра
Боль от бухла
Боль от раны
Боль от сердца
Боль от мозга
Боль от того, что
Боль от того, кто
Боль от безумства
Боль от света
Боль от мрака
Боль от вас
Боль от себя
Боль от любя
Боль от губя
Боль от чувства
Боль от солнца
Боль от луны
Боль ото всего
И отовсюду

Невступление

Я на крыше.
Холодно и мерзко.
Вниз — страшно.
Назад — противно.
Вправо, влево — бессмысленно.
Надо мной — холодная луна.
В руке — портвейн «777».
На душе — гнило.
FUCK!

7:37

— Алло, — злостно сплевываю на пол.
— Бухать пошли!
— Да задолбало, — зеваю.
— А что делать еще? Хоть деньги есть.
Думаю.
— Черт его знает!
— Что еще делать в этой жизни? Поскорее допить ее до дна да проблеваться!
— С каких это пор ты пустился в эти рассуждения?
— А вот! — не без гордости. Придурок!
— А мне наплевать.
Зеваю. Моя задача — опустить его. Его — опустить меня.

7:50

Жахнули по первой. Соленый огурец — отличная вещь. Но его нет, поэтому маринованный тоже сгодится. Вышли покурить. Молчим. О чем говорить-то?
— Нормально бы сейчас потрахаться с какой-нибудь бабой, — говорит он.
— Да, — зеваю я.
А сам думаю: «Ну уж нет, на хрен».
Я выработал-таки в себе отношение к жизни.
Я плыву по течению.

8:03

Сварены пельмени. Это обстоятельство меня радует. А то я уже чуть не уснул. До чего же скучна и однообразна жизнь! Раньше меня радовало хоть бухло. Теперь и оно не радует. Зачем тогда все? Жру пельмени.

8:14

Снова пьем.

8:15

Снова выходим курить.

8:27

Покурили, поговорили. Ему уже весело. Он что-то суетится, чего-то хочет. А чего можно хотеть? Хотеть-то нечего. К чему стремиться? Не к чему. Зачем?
А незачем.

9:05

СОПЛИ
СОПЛИ
СОПЛИ
СОПЛИ
СОПЛИ

18:51

Больно. Как больно жить на этом свете!

По России:

- убийств: 81
- ограблений: 316
- изнасилований: 14
- суицидов: 8
- автомобильных аварий: 1665

По барабану:

- убийств: 81
- ограблений: 316
- изнасилований: 14
- суицидов: 8
- автомобильных аварий: 1665

Не по барабану:

- хочется в сортир;
- хочется блевать;
- хочется курить;
- хочется летать;
- хочется любить кого-то нежно, тепло и безответно;
- хочется Жить.

Не жить — нет, жить не хочется.

Хочется Жить.

18:56

Мир умнее меня в сотни тысяч раз. Тогда зачем я? Это меня угнетает. Впрочем, что меня не угнетает? Ладно.

По полу ползут тараканы. По полу ползут тараканы.

Сопли бегут ручьем из носа. Они капают на пол.

ЧПОК!

ЧПОК!

ЧПОК!

Все потеряно.

Все потеряно.

Все потеряно.

Скажите! Ладно, не говорите.

Чпок, чпок, чпок, чпок, чпок...

Капают так...

Простите меня...

Простите меня...

Простите меня...

Я бессилен.

Вы, кстати, тоже.

Но не настолько.

19:24

Опрокинул еще одну.

Горе! Какое горе! Нельзя пить, когда тебе и так хреново. Если ты насквозь протух, свою вонь вряд ли спрячешь.

Я: Да ты охренел совсем, я смотрю!

Он: А по щцам не хочешь?

Я: А ну давай, на!

19:15–19:21

Получаю по щцам. Но мне наплевать, хоть слохну! Так приятно. Так кисло и кроваво в рот тебе течет твоя кровь, и я в снегу, я пьян и мерзок.

19:48

Плетусь, куда не знаю. Что-то ничего не думается и не хочет думаться. Хочется спать. Заваливаюсь в сугроб.

Завтра будет новый день.

19:54

Не засыпается.

Отчего-то тревожно.

Недалеко от меня пустая дорога. Иногда кто-то проходит, но редко. Тишина успокаивает. Я представляю, что рядом никого нет. И это действительно становится так.

Падает снег. Я радуюсь снегу, как бешеный, как безумец. Я ловлю его, он блестит на моих руках, в моих волосах, я ловлю его ртом, я гляжу в небо, и сопли, сопли текут так противно, так мерзко, так гадко текут на этот снег, на этот сугроб. На этот мир. Текут, текут — сопли.

Падает, падает — снег.

20:02

Безумное одиночество, поедающее меня изнутри и рвущееся наружу в этот огромный, бессмысленный мир.

20:21

1. Уродство мира.

2. Светлая, светлая, светлая, светлая, светлая, светлая, светлая, светлая, светлая, светлая, светлая, светлая, светлая, светлая, светлая, светлая, светлая, светлая, светлейшая, свет, свет, свет.

3. Святая.

20:38

Уже, уже, уже, уже, уже...

Я знал.

СОПЛИ.

Но ничего ведь не изменить.

«Уже» распадается на восемь миллиардов веществ, и теперь я уже не то.

Я это.

20:50

Слепая тоска по чему-то ушедшему, а может, и не приходившему, по чему-то недостижимому, изначально потерянному, по чему-то неизвестному и непонятному. Зов оттуда. Пора?

Пора, пора пришла.

Но как же это всё? Как же то, что, быть может, только начинается? Как же тонкий стебелек чего-то, пробивающийся сквозь мертвый асфальт жизни? Неужели он тоже обман? Неужели опять fake? Неужели это снова безумие мира, маска бессмысленного существования?

Мне не дано этого знать. А потому я не верю в то, чего не знаю. Не верю, не надеюсь, не люблю.

20:54

Возвращение обратно. Туда, в изначальную боль бытия, в глубину собственных глаз, в вечность собственной души. В изначальные сопли.

20:59

Тоска, боль, страх, нетерпение, переполненность болезненным ожиданием. На чаше весов пустоты жизни: смысл и радость, ничто не перевешивает, потому что ничто ничего не весит.

Ноль на ноль не дает ноль, дает 00, кабинет 00. В нем сидит Великий Хозяин Жизни, Бог Моего Сердца, Ангел Моей Души, Светлая моя, Святая моя, моя Вечная. Она там, в Кабинете 00. А сопли текут, а сопли все текут и текут, стекая к Ее ногам, омывая их своей чистотой, своей безнадежностью и серо-зеленой любовью, моля Ее о чем-то, о чем-то Ее моля.

21:83

Прости иллюзии.
Всегда — только хорошего.
Пусть только хорошее у тебя.
А в остальном так же, как у всех.

22:04

Сопли, сопли, сопельки...
Страшно. Страш... Но надо.
Пойду попить чаю. Я озяб. Было бы хоть что-то. Было бы здесь хоть что-то!
Но ничего нет.

22:15

Если бы кто знал... Нет, если бы кто понял. Но я и сам не знаю и сам ничего не понимаю. Я выливаюсь из себя, теку через края, и сопли текут тоже, они текут рядом и перемешиваются со мной, светлые, чистые, прекрасные, символизирующие вечные ценности нашей жизни.

22:33

Я перестал думать.
Я отключился от всего.
Я вошел в энергию Соплей. Моя самореализация на планете Земля проходит как никогда успешно. Задание номер «2» считаю невыполнимым. Наши с ним не справятся. Прошу вернуть меня обратно для усиленной подготовки к выполнению задания номер «2».
А, нет, не так.
Я все прочувствовал. Умоляю об амнистии. Это сраная планета. Я больше не могу.

22:44

Неизвестно что
Непонятно что
Не удивительно, что
По-прежнему текут сопли. Они стекают с крыш домов и медленно сползают по стенам, разливаясь густыми скользкими лужами возле подъездов домов, смрадно воняя, заливая собой ВСЁ.

22:57

Сопли текут с неба. Они льются над городом, заливая дома, машины, людей. Особенно страшны кровавые сопли. Они разливаются на асфальте. Все вокруг в соплях.

Ответ не поступает. Я застрял здесь. Мне надоело ощущать это все.

23:31

И удивились все: зачем так много зла на Земле? И ужаснулись они. И стало его еще больше.

23:58

Вечность черной звездой накрывает Землю. Души людей, жизни людей, надежды людей — все накрыто ею.

Великий звездец.

Я здесь навечно.

23:59

А кто-то все это любит. Рисует картины и восхищается. Есть ведь романтики, они любят друг друга, они, может быть, вместе.

Но это обман.

Никто не может быть вместе.

Каждый одинок.

Каждый обречен.

0:00

Гости встают. Хозяйка дома улыбается, все наперебой кричат «С новым счастьем!» и чокаются бокалами. Кто-то целуется, все счастливы. На лицах улыбки.

Глоток, другой. Все выпивают до дна свои бокалы с полусладкими соплями и садятся за огромный стол с яствами несметными, едят свою красную икру.

А за окном — взрывы, фейерверки, петарды, радостные и пока еще слегка трезвые голоса. Утрите сопли, господа, и пусть сбудутся все ваши мечты, как это всегда случается в Светлый праздник встречи Нового года.

Разве не так?

Со старым новым счастьем!

Ущерб

Вадим жил с Вероникой уже седьмой год. Не расписался — и так нормально. В последние месяцы сидел без дела — был отделочником, но слишком высоко не котировался. Работу не предлагали. Так, подхалтуривал иногда: в его тридцать восемь поздно было искать что-то новое, рыпаться. В общем, жил в ожидании лучших времен.

Иногда что-то делал по дому, встречал-проводил жену. Та крутилась в офисе. О работе жены он не знал ничего, и ему было неинтересно. Отношения с Вероникой были нормальными — не в том смысле, что без проблем, а в том, что без искорки: ну, не искрилось между ними после стольких лет. Но и Вадим, и Вероника поступили так, как «поступают все»: забили на это. Что же, расходиться теперь, если нет искорки?

Развлекаться Вадим не умел, а у жены не было времени. Иногда гуляли в ближайшем парке. Вадим стоял на балконе и докуривал, осматривая двор, Вероника осторожно открывала дверь и предлагала: «Пойдем?» «Ну пошли, чё», — отвечал

Вадим, и они выходили на улицу. Приближался Новый год — хоть и через месяц только, а думать уже надо: как отметить, где деньги брать, сколько... Да и просто можно было фантазировать, представляя, как на несколько долгих и сонных дней все вокруг станет хорошо. Сказочно.

— А, вспомнила, — сказала Вероника по дороге. — Надо в офис смотаться за документами. Завтра ж к этой... — она выругалась, — через весь город переться. Вставать рано. А я их забыла, вот дура!

— Да езжай ты с утра, — вяло возразил Вадим.

— Ну, Вадим, ну чё ты... Это мне в пять утра вставать надо. Как маленький. На автобусе доедем — полчаса, и свободны.

— Ладно, поехали, — безучастно сказал Вадим, и они отправились на остановку. Вадим закурил.

— Вот подарю тебе на Новый год никотиновый пластырь, — пошутила Вероника.

— Не-не-не! — бурно возразил Вадим и пояснил, где он видел такие подарки.

— А вообще, давай друг другу не дарить ничего, — предложила Вероника. — Сэкономим. Съездим к маме, погостим...

— Ой, на фиг надо, — скривился Вадим, — к маме твоей... Давай у нас лучше. Фейерверки позапускаем.

— Ага, — Вероника поднесла руки к лицу и шумно выдохнула в них, а потом улынулась, взглянула на Вадима добрым взглядом. — Скорей бы.

— Скорей бы автобус, — буркнул Вадим. — Хабец выкину.

Подходя к урне, Вадим краем глаза заметил, как грузовик на противоположной стороне улицы стал разворачиваться — остановка находилась на перекрестке их двухполосной улицы не с переулком даже, а с узенькой асфальтовой дорожкой, по которой завозили продукцию в универсам.

«Ну и как он тут проедет, дятел?» — подумал Вадим, и вдруг эту мысль перебила другая, шальная и страшная. Его обдало холодом, словно кто-то швырнул в лицо снега, и он обернулся. Пытаясь уйти от удара, прямо в остановку неслась черная иномарка. И в этот же миг все вокруг стихло, только кружились в желтом свете фонаря снежинки.

Вадим повел себя странно: он не бросился к остановке сразу же, не закричал — он закрыл глаза, чтобы ничего не видеть, и долго стоял так. Когда наконец двинулся к месту, вокруг уже толпились люди, кто-то суетился и причитал, кто-то щупал пульс. Жена лежала как живая, только мертвая. Немного крови на висках — и все. И в руке сумка.

Неподалеку остановилась разбитая иномарка. За рулем сидел крупный человек в тонких очках, бритый наголо, в сером пальто. Он смотрел прямо перед собой и не шевелился.

— Я убью тебя, сука! — заорал Вадим. Стучал по стеклу кулаками, затем водитель опустил стекло. — Что ж ты сделал-то?!

Потом были похороны. Точнее, была кремация, но русский человек не скажет «был на кремации», он все равно скажет «на похоронах». Народу было немного — девчонки с работы да ее родители. Они Вадима не любили. Жили они с женой в своей квартире, так что съезжать никуда не пришлось. Но кроме квартирки, доставшейся от родных, у него ничего не осталось.

Началось разбирательство. Вадим ходил в суд неохотно — для дачи показаний, пару раз. Уже в первый день мужчина из иномарки высказал желание поговорить. Они зашли в пустой зал и долго сидели, молчали. А потом водитель резко, безо всяких предисловий, предложил ему миллион.

— Ты что же, сука, откупиться хочешь?! — взревел Вадим.

— Видишь, — спокойно сказал водитель, — я не то чтобы очень богат, но... Я не зверь, так вышло случайно. Перед Богом я все равно виноват... Я просто хочу помочь. Это не то что моральный ущерб... Да, никакими деньгами... Но это единственное, что я могу сделать.

— Пошел ты! — крикнул Вадим, направляясь к выходу. — Засунь себе в жопу, понял?

— Придешь в следующий раз, сообщи реквизиты, — устало сказал водитель.

«Ущерб! — думал Вадим дома. — Ишь ты!» Ему не нравилось это слово: так его дразнили школе. Кликухи такие были, у всех разные. У него вот «Ущерб». Вспоминать было неприятно.

Когда снова пришел в суд — дал номер счета, и в тот же день ему упал миллион.

Потом он весь вечер паялся в «ящик». Думал мучительно: «Как потратить деньги, чтобы с умом, или вложить во что-то. Но во что?» И еще подумал с горечью: «Как она была бы рада! Перед самым Новым годом — миллион!»

Сразу постановил для себя: не бухать. Ни в коем случае. Но в первый же вечер навалилась такая тяжесть, что оставаться трезвым было невыносимо. Он отправился в бар и пропил двенадцать тысяч.

«Ничего, — думал, — скоро выйду на работу. Отработаю, доложу обратно. Буду считать, что свои пропил. Считаю, взял в долг. У мертвой жены...» От тоскливых мыслей хотелось выпить сильнее, чтобы забыть их.

Но наутро навалилось такое похмелье, что Вадим понял: он может банально сдохнуть. Башка разорвется на части.

Так он провел две недели. Иногда звал приятелей. Иногда ночевал дома, подолгу перед сном глядел на ее фото, что стояло на подоконнике возле тощего цветка. Было тошно.

Потом была Лига чемпионов. Однажды, смотря «под пивко» матч, Вадим увидел в кадре красивых болельщиц. Почувствовал сильное желание — и просто никак не смог справиться. Покопался на сайтах и вызвонил двух женщин — Вадиму нужны были две. Полночи занимался непотребствами, пока хватало сил. Бросив распаленный страстью взгляд на подоконник, увидел ее фото. Подошел, отвернул.

Назавтра Вадим осознал, что пить больше нельзя. Весь день проклинал судьбу, вечером подсчитал деньги: семьсот тысяч, не так плохо.

Новый год был совсем скоро. Было ужасно встречать его без Вероники, но он решил сделать подарок себе — больше все равно некому. А заодно и ей: может, видит с небес, порадует. Купил новый диван, «плазму», мощный компьютер, остеклил балкон — купил материалы, вызвал рабочих. Подключил, наконец, кабельное телевидение — Вероника давно хотела. Еще четыреста тысяч осталось.

После праздников приезжали ее родители, поразились переменам. Хотели забрать вещи дочери — что-то из одежды, белья, мелочевку, но Вадим пожал плечами. «А я все выкинул», — сказал он простодушно. Чтоб отстали, пошел в комнату, отсчитал сто... потом передумал — пятьдесят тысяч. Триста пятьдесят положил в ящик, рядом с паспортом и ИНН.

А потом Вадим обнаружил, что совсем нет одежды, обуви — и отправился в магазин. По дороге обратно купил хороших продуктов — огромную тележку. Еле дотащил. Пока тащил, подумал, что неплохо бы автомобиль. Да только вот какой? На двести семьдесят тысяч особо не выбираешь.

Сговорился с мужиком на сайте «Авито». Мужик оказался нормальный, работяга, поняли друг друга быстро.

— Нормальная? — спросил Вадим, кивая на машину.

— Нормальная, — кивнул мужик.

Ударили по рукам. Осталось еще двадцать тысяч и несколько сотен, и доехав до дома, Вадим отправился в ночной ларек взять пивка. Не торопясь, зашел в подъезд, выругался — как всегда, там было темно. Вспомнил, как Вероника просила вставить лампочку. «Да чё ее ставить! Сразу же упрут».

В темноте сверкнули огоньки сигарет — и пара быстрых ударов свалила его на пол. Вадим не успел ничего понять. Последнее, что слышал, — гнусавый голос:

— Двадцак и мелочь.

— Нормально! — ответил второй, такой же.

Очнувшись, побрел домой — умылся, упал на диван, отоспался.

Наступала весна. Деньги кончились, даже те, что удалось выручить с продажи «плазмы» и компа. Спустился к почтовым ящикам, достал газету, нашел номер. Позвонил.

— Ребят, отделочники нужны? Нормальный, много не пью.

На следующий день пришел на объект — квартира с множеством окон, просторной кухней, несколькими комнатами и двумя — Вадим присвистнул — туалетами. Прораб обрисовал задачу, познакомил с другими работягами. Мужики вроде нормальные, решил Вадим. Оставалось дождаться босса.

Когда в квартиру вошел человек в сером пальто, бритый наголо, в тонких очках, Вадим уже не чувствовал ничего. Он не вскочил с места, не бросился с криком: «Ты, сука!» Нужны были деньги, нужно было работать, жить.

Они только обменялись взглядами — короткими, выразительными.

— Смотри сам, — выдохнул мужчина.

— Ничего, — шмыгнул Вадим. — Нормально.

— Ну ладно, — сказал мужчина. — Работай.

Прораб на будущей кухне уже дожидался его: нужно было решить по деньгам.

Жёлтые тюльпаны

Раздался звонок в дверь. Спешно выскочив из ванной, Игорь помчался в комнату, разбрасывая по квартире брызги, вытираясь на ходу полотенцем. Схватил штаны, принялся натягивать на мокрую ногу.

— Сейчас, сейчас!

— Кто там? — крикнула с кухни жена.

— Не знаю. Секрет, точнее. Да хватит уже звонить! Сейчас, говорю, выйду.

Поискал тапки, надел. Вышел на площадку. На пороге стоял курьер, протянул пакет.

— Здравствуйте. «Петцвет», доставка.

— «Петцвет»? Вы так называетесь?

— Я нет, а фирма — да. «Петербургские цветы» для недогадливых. Держите вот, ваши тюльпаны.

Игорь недоуменно фыркнул, но взял пакет.

— На сайте было по-другому.

— Всегда так. Виртуальная реальность!

Игорь хотел было расплатиться, но пакет в его руке раскрылся, он хмыкнул и вопросительно уставился на курьера.

— Четыре тысячи, — вежливо уточнил курьер.

— Желтые, — сдавленно ответил Игорь.

— Ну да, желтые.

— Я же заказывал оранжевые! На сайте были оранжевые. Сегодня у нас годовщина с женой. И как мне теперь поздравлять?

— Попробуйте так, — неуверенно предложил курьер. — Желтые — почти оранжевые.

— Но это не одно и то же! Где мои оранжевые? Желтые — это же, это... вестники разлуки. Как дарить?

— Ну да, — курьер улыбнулся. — Цвета запоздалой утренней звезды.

Игорь помялся возле пакета, достал букет и напел негромко:

— Желтые тюльпаны помнят твои руки.

— Помнят твои губы, — поддержал курьер и тут же осёкся.

Игорь закивал: ничего, нормально.

— Строгие цветы, строгие цветы, — пробасил он.

Курьер оживился, задвигался в дверном проеме, будто желая пуститься в пляс, но так и не решаясь:

— Ты уедешь скоро, опустеет шумный город!

— Так, ну хватит, — оборвал его Игорь, сунул деньги и направился к квартире. Кашлянул перед тем, как потянуть ручку, улыбнулся во весь рот:

— Люби-и-и-имая!

Он шагнул в дверной проем и тотчас ощутил чувствительный толчок в спину. Пошатнулся, едва не упав, но удержал равновесие. В уши ворвался шум, перед глазами запестрели краски. Мимо него шли люди, не сбавляя шага и не обращая на Игоря никакого внимания. В руках был все тот же букет, но всё вокруг изменилось и стало совсем другим. Ничего не понимая, Игорь обернулся и увидел распахнутые стеклянные двери, а за ними множество цветов.

— Магазин? — удивленно спросил Игорь.

Он увидел румяную женщину в фартуке и резво направился к ней.

— Что такое? Как все это понимать?

— Вас не устроили цветы? — невозмутимо спросила женщина.

— Вообще-то да, — сказал Игорь и быстро осекся. — Только дело не в этом. Ведь я был в квартире, ко мне приходил курьер.

Он не успел договорить, как заметил зеркало. Бросился к нему, перевел взгляд на женщину, снова на зеркало.

— А это что?

— Зеркало, мужчина. Не зря я сразу учуяла, что от вас разит.

— Но я ничего не пил! Не понимаю. Я ведь старше, а здесь словно лет на семь помолодел!

Женщина остановилась перед ним и посмотрела внимательно. Не смогла сдержать улыбки:

— Вы взяли как раз семь цветов. Берите еще, если все так удачно.

Игорь глянул на букет: и вправду, семь тюльпанов. Не маловато ли для годовщины? «Что, на сайте ошибся с выбором? Или снова курьер напутал?»

— Я купил их второй раз в жизни, — произнес он, собравшись с мыслями. — И только из-за досадной ошибки.

— Еще недавно вы утверждали, что в первый, — женщина развела руками. — Странный вы. Если это какой-то розыгрыш...

— Розыгрыш, — Игорь уцепился за спасительное предположение. — Вот и мне хотелось бы так думать.

— Вы говорили, что торопитесь?

— Я? И куда я мог торопиться?

— Видимо, к той, для которой букет?

Игорь закивал, будто внезапно все понял, хотя не понял ровным счетом ничего. Попятился. Обнаружил себя в том же месте: торговые ряды, цветочный за спиной; ни коридора, ни квартиры, ни курьера. В голове искрило, трещало. И вдруг — словно бы на секунду застыл мир, замедлили движение прохожие, перестали пахнуть цветы, и только Игорь стоял, окруженный воссозданным воспоминанием: он уже был здесь, он уже все это видел. Прожил.

Гипермаркет «Окей», Купчино. Он вышел из огромного здания с рюкзаком на спине, встал под навесом у входа, открыл зажигалкой пиво. Нещадно лил дождь, ручьи стекали с машин, люди с тележками кучковались возле раздвижных дверей. Напротив серела высокая новостройка, а над ней нависало тревожное Санкт-Петербургское небо. Игорь взглянул на часы, покачал головой, присосался к бутылке. Сделал несколько жадных глотков и вернулся в здание.

Справа от входа в «Окей» начинался торговый ряд: безделушки, предметы быта. Он прошел до конца, завернул в цветочный.

— Здравствуйте, — улыбнулась женщина в фартуке. — Скоро праздник. У нас сейчас акция.

— Только не это, — Игорь скривился и показал на цветы. — Мне желтых, штук пять. Нет, шесть. А, шесть нельзя. Дайте семь тогда. И быстрее, если можно, тороплюсь.

— Как скажете, — женщина пожала плечами, принялась за тюльпаны. — Во что завернем?

— Целлофан, — механически ответил Игорь. — С желтой ленточкой.

— Этой?

— Ага.

— Эта золотистая, — с укоризной поправила женщина.

— Тем лучше, — растерянно сказал Игорь. — Я вообще в первый раз беру желтые. И, надеюсь, в последний. Так что полностью вам доверяю.

— Себе доверять нужно, — неожиданно ответила продавщица. — В первую очередь себе. Вы знаете, бывает ощущение, когда ты что-то вспоминаешь, как будто смотришь в прошлое и видишь самого себя со стороны? И думаешь о себе как о ком-то другом: вот он какой, еще не знает, что будет дальше! А знал бы, делал все совсем иначе. Это такой немой укор, но через время.

Игорь наблюдал, как она заворачивает тюльпаны, и не знал что сказать. Согласился:

— Вообще да, так бывает.

— Бывает. Но нужно думать и наоборот. Когда вы сейчас, в настоящем. Все время представлять, что на вас смотрите вы же, только спустя много лет. И вы там знаете то, что сейчас не знаете. Нужно жить в настоящем, как в прошлом, все время представлять эту дистанцию. Тогда вы допустите меньше ошибок и о меньшем придется жалеть.

Она протянула букет, широко улыбнулась. Игорь хотел продолжить разговор, но вспомнил, что совсем нет времени. Он выскочил из магазина и через пару минут стоял возле метро. Из перехода вынырнула Лена, тонкая девушка с головой-луковицей, засияв для него в толпе.

— Чего хотел? — сонно спросила Лена, распахивая зонт.

— Вот, — Игорь протянул букет. С его насквозь промокших волос падали крупные капли.

— С чего вдруг? — девушка ради приличия сунула нос в цветы.

— Спасибо тебе за всё, — коротко ответил Игорь.

— Что ж, пожалуйста, — ответила Лена. — Ты на метро?

— Провожу? — он схватился за трость зонта, будто за последнюю надежду. Девушка сверкнула глазками, не отдала зонт. Но все же сказала:

— До такси, если так хочешь.

— Пойдем, — согласился он. — Как там мама?

— Нормально все. Выписали. Привет тебе передает.

— И от меня передавай, — Игорь перескочил лужу. — А Герда как?

— Герда — не знаю. Первый раз слышу о ней.

— Ну, Герда же звали, нет? Твоя собака.

— Грета. Собаку зовут Грета.

— А, ну вот Грета. Она как, жива еще?

— Жива, здорова. Всем бы так. Привет тебе передает.

— И от меня, — начал Игорь, но замолчал.

— Ладно, мне правда пора.

Она нажала кнопку, и зонт моментально сложился. Игорь смотрел на него с тоской, будто на миг вернулся в детство, как раз в тот момент, когда лопался праздничный шарик. Конечно, теперь он знал много такого, о чем не догадывался тот грустный мальчик. Лена захлопнула дверь такси.

Игорь достал из рюкзака еще бутылку и медленно побрел. Переход, троллейбусная остановка, пара ларьков, «Окей», еще переход. Наконец — широкий проспект Ярослава Гашека, трамваи, перспектива, простор. Здесь даже дышалось легче. Хотя едва он вспоминал о Лене, становилось нестерпимо больно, хотелось вцепиться в голову и выжать ее, как губку. Промокнуть сильнее, чем он, кажется, было нельзя. Он понял, что замерз, что очень холодно, его трясет, и вообще вместо пива лучше бы выпить горячего чая с медом. Таким отпаивала Лена на второй день их знакомства, после того, как он проводил ее — в такую же погоду, как сегодня, в такой же точно петербургский день.

Но проспект Гашека длинный, и впереди лишь первый перекресток. Трамваи повернут налево, автобусы направо, а он, конечно, отправится по прямой. «Пока можно идти вперед, всегда нужно идти вперед!» Пока земля не затрясется под ногами, пока не метнутся с небес остроконечные пики молний, пока не примутся ссыпаться здания — по обеим сторонам улицы, блок за блоком не полетят в бездну, обнажая нутро квартир, а затем и сами квартиры, тот самый внутренний мир, о котором каждый мечтает, чтобы его хоть кто-то увидел, хоть кто-нибудь оценил. Ну вот и все, друзья, до свидания.

«Петцвет»™. Букет из прошлых лет [где вас сегодня нет]¹.

¹ Внимательно изучайте подробности акции, напечатанные мелким шрифтом.